

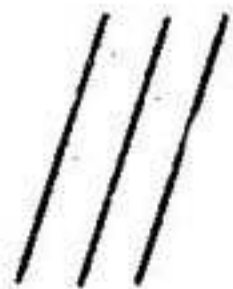
ВЫДАВНИЦТВО ТОВАРИСТВА „ПРОСВѢТА“
Ч. 62. В УЖГОРОДѢ Ч. 62.

ДІОНИЗІЙ ЗУБРИЦКИЙ

АЛЕКСАНДЕР ПАВЛОВИЧ

ОПИСАНЕ ЕГО ЖИТЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЕЗІЬ

З НАГОДЫ 25-РІЧНОГО ЮБИЛЕЯ ЕГО СМЕРТИ

1 9 2 5

ДРУКАРНЯ ОО. ВАСИЛЯН В УЖГОРОДѢ

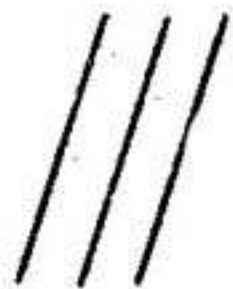
ВЫДАВНИЦТВО ТОВАРИСТВА „ПРОСВѢТА“
Ч. 62. В УЖГОРОДѢ Ч. 62.

ДІОНІЗІЙ ЗУБРИЦКИЙ

**АЛЕКСАНДЕР
ПАВЛОВИЧ**

ОПИСАНЕ ЕГО ЖИТЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЕЗІЬ

З НАГОДЫ 25-РІЧНОГО ЮБИЛЕЯ ЕГО СМЕРТИ

1 9 2 5

ДРУКАРНЯ ОО. ВАСИЛЯН В УЖГОРОДѢ

ВЫДАВНИЦТВО ТОВАРИСТВА „ПРОСВѢТА“

Ч. 62.

ДІОНИЗІЙ ЗУБРИЦКИЙ

АЛЕКСАНДЕР
ПАВЛОВИЧ

ОПИСАНЄ ЄГО ЖИТЯ
И ХАРАКТЕРИСТИКА ЄГО ПОЕЗІЇ

В НАГОДЫ 25-РОЧНОГО ЮБИЛЕЯ ЄГО СМЕРТИ.

УЖГОРОД
ДРУКАРНЯ ОО. ВАСИЛЯН
1925

Александр Павлович.

Вступ.

Памяти 25-рѣчного юбилея смерти Александра Павловича.*)

Вже девятый рѣкъ, як Пѣдкарпатскѣ Русины живутъ в славянскѣй Чехословацкѣй републицѣ. Наш Русин оставив „глубокий сон“. Щодень укрѣпляея его свѣдомѣсть; з рока на рѣкъ показуе на прекрасный розцвѣтъ наше культурне оживлене и рѣшучим кроком иде наперед народный напярм, плодороднѣ працѣ котрого уже зачинають указовати радостнѣ успѣхи в нашѣм народнѣм, культурнѣм и матеріальнѣм житю.

А саме тепер, на початок сеѣ народноѣ весны, припадае 25-рѣчниця смерти одного такого мужа нашего народа, котрый своими пророческими очами вже видѣв першѣ лучѣ того народного одродженя, котре в 25-у рѣчницю его смерти дѣйстно настало:

Ци то неба воля или такій воздухъ?

Русинѣ восталѣ отъ сна, воскресѣ народный духъ!

(Пѣснь).

Але в старших роках сей наш народный великий муж побачив хмары, котрѣ еше не дають попасти од-

*) Сю студию я написав на основѣ автобіографіѣ и рукописей покойного А. Павловича и на основѣ слѣв до Павловича найближше стоячих кривнякѣв и сучасных ему людей. При характеризованю его особы и поезіѣв привожу властнѣ слова Павловича, котрѣ кидаютъ ярке свѣтло на его поезію.

Автор.

роджающим лучам сонця на Подкарпатя. Але сей наш народный пророк предвидѣв:

Премѣнить Господь Богъ бескидски яскинѣ
 Во свой храмъ на земли, во своя святынѣ;
 Придетъ —; уже идетъ благодарне время,
 Въ котромъ Богъ потѣшитъ знемучене племя.
 („Гласъ Русиновъ“).

И сповнилось. Як раз чорнѣ хмары одогнав од нас свѣтовый переворот. Ярko, свѣтло засіяло сонце од Попрада аж по Тису. Мы оживаеме. Вкѣнци пришла и наша народна весна.

Сей пророк, котрый так милѣ слова слав ид Подкарпатским Русинам, љыв Александр Павлович, славный поет-пѣвецъ, щирый наш народовецъ.

Познакомѣмся з ним. Погляньме до его патриотичноѣ, щироруськоѣ душѣ, отдаймеса его думкам, и увидиме, що за народный поет був наш Александр Павлович.

Его цѣлое житя и его дѣяльнѣсть можуть служити прикладом и нам. Любѣм и мы своѣй нарѣд так, як Павлович; працюймеса для него так, як Павлович; любѣм свою отчину так, як любив еѣ Павлович.

В днешнѣм розвитку народного напрямую дуже хосенно буде нам студіовати сего народного поэта, котрый як 10—14 рѣчный хлопецъ не мав ще народноѣ свѣдомости и бѣв по выхованю „полячком“; котрый пѣзднѣйше пѣд малярским впливом як 16—20 рѣчный гимназист писав лиш малярскѣ стишки; в чужинѣ научився он любити своѣй нарѣд; котрый посему як отецъ духовный у своѣм подкарп. руськѣм гнѣздѣ стався щирым народовцем и правдиво народным пѣвцем Подкарпатских Русинѣв.

I.

Дѣточій вѣк Павловича до скѣнченя народноѣ школы.

Александр Павлович народився 19-го септембра 1819 р. в селѣ Чарне, Кошицкоѣ жупы, Бардѣйовского округа. Отець его, Иван, быв гр.-кат. священником, а мати его, Анна Гладишѣвска, была донькою одного галицкогo гр.-кат. священника.

Александр быв пятым сыном своего отця, котрого его вѣрники дуже любили. Полюбила его и фамилія и маленький наш Александр, котрый як 4-рѣчний хлопчик утратив своего отця.

Не зрозумѣв 4-рѣчний Павлович, кого утратив тогды; не розумѣв, що его любимого отця будуть похороняти о пару дней: весело скакав наш Александр на досках, из котрых столярѣ саме деревище робив отцеви. Лиш пѣзднѣйше узнав он, що „остався сиротою“. Своѣ сирѣтство так описав пѣзднѣйше:

Нѣтъ ужъ панотця, ани панѣ матки,
А я остався бѣдная сирота.
Долженъ прятатися изъ родной хатки,
Смотрѣти, где суть отверты ворота“.

(„Тужба“).

Як сирота Александр короткий час перебував при сестрѣ; посему короткий час був у уйка Андрея Гладишѣвского в Галичинѣ.

У рѣк уже у найстаршого брата Ивана видиме Александра у Беньковѣй-Вышнѣй и у Комарнѣ, де так само короткий час перебував, бо взяв его до себе знова львѣвский уйко Гладишѣвский. Сей Александрѣв уйко, котрый тогды у Львовѣ, в институтѣ „Святый Юр“ быв настоятелем, з любовію приняв бѣдного сироту, котрый из его ласки бесплатно був там через три роки. Там в „Святѣм Юрѣ“ кѣнчив сирота Павлович нормальнѣ класы по польски.

Сумнѣ были тогды народнѣ и культурнѣ обстави́ны в Галичинѣ. Тогды всюды лише по польски говорилося; ще и проповѣды в руських церквах польскѣ были. Не научився и Павлович нѣчого по руськи у Львовѣ, бо и у „Святѣм Юрѣ“ лиш по польски и по нѣмецки ишла наука.

Но коли и чужѣ были Александрови обстави́ны у польско́й шко́лѣ, добросердечнѣсть и нѣжнѣсть его уйка хотѣ лиш в части заступали для него люблячого отця. Одного разу весною ишов Гладишовский на прогулку з „Шандор“-ом и, идучи через великий парк, купив у одноѣ дѣвочки двѣ торбинки черешень. Одну торбинку дав Александрови, а другу подаровав тѣй дѣвочцѣ, у котро́й купив. Звѣдався наш Олександр цѣкаво: длячого ѓн то робить. Уйко одповѣв: „Що дѣвочка продасть, з того она мусить точно выраховатися; а сю торбинку черешень най зѣсть она сама, бѣдненька!“

Любов уйка Гладишовского все выглядала дащо для Александра. ѓн и не зѣв нѣчого лѣпшого, щобы з того и Александрови не удѣлити кусочок; ѓн з дѣтиною Александром бѣгав по довгѣм коридорѣ и жартовав — бавився з ним.

II.

Павлович гимназистом у Бардѣйовѣ, Мишковци и Ягрѣ.

Як Павлович докѣнчив народну школу у Львовѣ, по выхованю як „полячок“, вернувся на Пѣдкарпатя до брата Йосифа, комлошского священника, котрый у всѣх отношенях заступав ѣму отця и з любовію обнимав Александра.

Чотыри класы латинскѣ скѣнчив Павлович вже пѣд Карпатами в Бардѣйовѣ, в досить бѣдных обставинах. ѓн из села костовався; комлошскѣ фурманы привозили ѣму ѣду на бѣльше днѣв.

На вакаціѣ ходив Олександр до свого брата Йосифа и там розмовляв у семейнѣм крузѣ по руськи. Так мило было ѣму чути свою рѣдну, пѣдкарп.-руську бесѣду, его материньский язык.

По скѣнченю 4 клас гимназіѣ з пару „двацятниками“ (срѣберна, 20-крейцарова монета) пустился Павлович до мадярского Мишковца, щобы там дальше продовжовати науку в V. и VI. класѣ. Там за 4 двацятники на мѣсяць наняв собѣ кост и квартиру. А як быстрый хлопец дѣзнався, що в городѣ один бо-

гатый нѣмецкій лѣкар одпустив вихователя своих дѣтей, Туды дѣстався Павлович через сына лѣкаря. У домѣ лѣкаря Александер з початку лиш кодо стола прислуговав, послѣ лѣкар пересвѣдчився о благороднѣм характерѣ вихователя, зарядив, щобы и Александер при столѣ мав мѣсто так, як член фамиліѣ.

Павлович, котрый у Львовѣ наувився по польски, у Бардѣйовѣ по словацки (сотацки), в Мишковци наувився по малярски; там зачав „мондоковати“; но у домѣ лѣкаря наувився и по нѣмецки.

В гимназіях тогды цѣла наука ишла по латиньски. И сына лѣкаря по латиньски учив Павлович; он був все добрым учеником и совершенно присвоѣв и класичный латиньскій и грецкій язык.

Хоть як добре учився Павлович у Мишковци, то з цѣлею докѣнченя своих гимназіальных студій примушений був ити до Ягру (Eger) на два роки философіѣ.

Анѣ з Мишковця анѣ з Ягра не ходив на вакаціѣ межи рѣдных на Пѣдкарпатя через велику далекѣсть.

У Ягру був вихователем у одного богатого склепаря, де дуже добре обходили з ним. Он був и тут членом фамиліѣ. — Одного разу сей богатый купецъ выйшов из Павловичем до своѣѣ винницѣ и зайшли до пивницѣ „пробовати вина“. Павлович двѣ покоштовав, но з других уже не хотѣв пити. Анѣ склепарь не мѣг на то наговорити свого вихователя. Тогды торговецъ выявив, що он лиш выпробовати хотѣв его: ци мае нахил до пѣтики. И одпровадив склепар Александра до кѣнца пивницѣ и там по сему из наилучшого, червеного вина выпили по погарку. Од того часу все было червене вино при столѣ.

Як в Мишковци у лѣкаря, так и туй у склепаря дуже полюбив Павлович дѣтей. Он умѣв знизитися до их наивного сердца, до их невинноѣ душѣ. — Сю любов до дѣтей Павлович сохранив через цѣле свое житя, он був другом дѣтей и молодежи.

Одного разу саме занимаєся у домѣ склепаря з дѣтьми и через даяку провину строго говорить до дѣтей. Але як увидѣв сумне и жалѣсне лице кающихся дѣтей, цѣлує и обнимає их. То все видѣла панѣ склепаря через склянѣ прозорѣ дверь; вступила до хижѣ и похвалила энергичного, но нѣжного и добродушного вихователя.

III.

Павлович юристом в Ягрѣ.

З добрым успѣхом скѣнчивши в Ягру гимназіяльнѣ студіѣ Павлович, хотѣ дуже бажав быти богословом, но позаяк стипендіяльнѣ мѣста всѣ были заповненѣ, записався на правничу академію у Ягрѣ. Тогды мав уже 24 роки, був високий, широкоплечий, усатый и бородатый. Ёго поява была дуже импозантна и симпатична.

Як юрист у Ягрѣ дѣстав мѣсто вихователя в домѣ графа Сірмая, де Павловича дуже полюбили.

IV.

Павлович богословом в Тернавѣ.

Не за довгий час був Александер Павлович юристом и вихователем у Ягрѣ, бо дѣстав письмо од брата Йосифа, в котрѣм брат увѣдомляє его, що один богослов Пряшовскоѣ епархіѣ оставив Тернаву (Nagyszombat) и що єпископ Галанецѣ охотен Александра выслати мѣсто него до Терnavы на теологичну академію, котру пѣзднѣйше переложено до Остригома (Esztergom).

Так став Павлович богословом.

То одержаню письма з доброю дякою и охотою ишов Павлович до далекоѣ, словацкоѣ Терnavы. Желѣзницѣ тогды ще не было; Александер пускався в дуже тяжку дорогу. Од брата з Комлоша до Ягру ѣхав возом. Из Ягру до Пешту з бѣльше подорожnymi також возом. Як приѣхав до Пешту, вже была нѣч и молодой Павлович в однѣм паркѣ на лавочцѣ переночовав. Рано сѣв на шифу, котра ишла горѣ Дунаєм до Вѣдня. Капитан шифы запустився в розмову з интеллигентным, уважным молодцем и звѣдався, куды и з якою цѣлею ѣде. Коли Павлович сказав, що ѣде до Терnavы за богослова, капитан не мѣг поняти, як може дахто такоѣ прекрасноѣ борода зречися.

Коли богословский кандидат Павлович оставив шифу, поѣхав возом дальше до Терnavы. Фурман привѣз его аж близь Терnavы до свого села и гостинно затримав его у себе цѣлый день. Тогды сей фурман-газда сам постарався о вѣз, котрый Павловича одвѣз до Терnavы.

У Тернавѣ появився Александер „в цивилію“, з бородою у ректора семинаріѣ; на зарядженя ректора юрист Павлович обголився и натягнув на себе реверенду. Тогды появився у вице-ректора, котрый дуже жаловав, що не мѣг видѣти такого пристойного молодца ще в цивилію и з бородою.

Безперерывно через 4 роки перебував Павлович у духовно́й семинаріі. Навѣть на лѣтнѣ вакаціѣ не пошов „межи своих“ до брата, про далеку дорогу.

Близь Тернавы жив один богатый польский магнат, граф Замойский, котрый одного свояка мав у тернавско́й семинаріі. Сей молодой богослов был добрым приятелем Александра. Через сего богослова познакомився „тернавський руський богослов“ з графом, котрый дуже полюбив симпатичного богослова из Пѣдкарпатя. Павлович часто был запрошений як гѣсть до графского дому. Граф мав одну дѣвчину, котра дуже красно грала на клавирѣ; часто запросив єѣ граф, а комтеса зачинала грати: „И шумить и гуде, дрѣбный дожджик иде...“ — И Павловичовѣ думы на крылах руських чувств полетѣли из чужины пѣд руськѣ Карпаты, де чути рѣдне слово, де од руських пѣсень одзиваються горы-долины.

„Гей, бо инакше житя є на востоцѣ, пѣд Карпатами! — думав собѣ Павлович. — „То моя отчина“.

Од графа Замойского дѣстав Александер польскѣ белетристичнѣ книги; ѣн дуже много читав по польски.

Но як вернувся Павлович назад из графского дому до семинаріѣ, заглубився в студіѣ, загребався в стародавнѣ фоліянты семинарскоѣ библіотеки и свѣдомо приготавлився на важный священничий стан.

Яким одзначающим богословом у тернавско́й семинаріі и яким интеллигентным вихованцем был Павлович, свѣдчить и то, що профессорский збѣр III.-рѣчного Александра запросив, щобъ приняв мѣсто „професора манѣры“. Но скромный молодець не хотѣв того принять.

V.

Павловича огортає любовь до народа и до рѣдного краю.

У тернавско́й семинаріі было много Словакѣв из захѣдноѣ Словаччины. Всѣ они были свѣдомѣ народовцѣв и з ними Павлович жив в приязни; од них научився Александер захѣдно-

и середньо словацкаго нарѣча, котре пѣзднѣйше выдвигнулося на литературный язык Словакѣв. — Импоновав Павловичеви патріотизм словацких богословѣв. Почув и ѡн, що и ѡн сын пѣдкарп.-руського народа. И все сильнѣйше и сильнѣйше притяговало его щось до того народа и до пѣдкарп.-руськоѣ землѣ. Ѳн по духу стався народовцем-патріотом в чужинѣ. З дня на день все сильнѣйше и сильнѣйше чув Павлович магнетичнѣсть рѣдного Пѣдкарпатя. Сей душевный стан и народнѣ чувства ѡписав Павлович в прекраснѣм вершику „Вѣ чужинѣ“, котрый подаеме в цѣлости.

Я несчастный вѣ чужѣмъ краю —
 Якъ сирота жию я,
 Всегда о тебѣ думаю —
 Родная земле моя.

Тамъ, где Бескиды, Карпаты —
 Тамъ, тамъ моя отчина,
 Тамъ жиє мой отець-мати,
 Сестры, братья — родина.

Они за мной ся старають:
 Якъ я жию вѣ чужинѣ?
 Я за ними воздыхаю
 И по сто разъ вѣ годинѣ.

О, родная земле мила! —
 Розмышляю о тебѣ,
 Твоя магнетова сила
 Мене тягать ко себѣ.

Не тѣшатъ мя чужи краи,
 Их роскоши, выгоды,
 Ми на мысли наши гаи,
 Вѣ студенкахъ свѣжи воды.

Милы ми, милы Бескиды,
 Где жиє мое племя,
 Где жили мои прадѣды,
 Тамъ жити хочу и я.

Боже, дай скоро узрѣти
 Село, святыи храмъ-церковь!
 Тамъ Богу ся помолити
 За души моих предковѣ.

Сей верш на захôднôм Пôдкарпатю шкôльна молодѣж и нарôд еще и теперь спѣває як свою народну пѣсню.

Чуднѣ были 40-овѣ роки ХІХ-го вѣку. Всюды-всюды зачав рости и розвиватися народный дух у душах молодых интè-тигентных студентôв. И Павловича захватив народный ентузіязм, народне одушевленя.

А се одушевленє руським Пôдкарпатем збудило у него поетичный талант. Он зачав складати руськѣ стишки латиньскими буквами. Пôзднѣйше, коли там, „в чужинѣ“, научився кирилицѣ, писав уже руськими буквами первочатковѣ свои стишки.

Чудне явище то у нашôй давнинѣ: один из наибôльших наших будителѣв-нарооовцѣв в чужинѣ научився кирилицѣ. Що не могли зробити дремучѣ, мачошинѣ обставины пôд Карпатами, то зробила словацка богословска молодѣж у Тернавѣ: дремучу руську душу Павловича розтлила, розбудила до народолюбства и до любви рôдного края.

По скôнченю богословских студій у Тернавѣ, Павлович пѣшком пôшов горѣ долиною живописного Грона на схôд, домôв. Насолоджовався чудною природою; радовався в серци, що з „чужины“ вернеся на свою рôдну пôдкарп.-руську землю.

В тôм часѣ Бардѣйовска купель была мѣстом сходин маковицкоѣ руськоѣ интеллигенциѣ. Там думав найти и Александер своего комлошского брата Йосифа. Так и сталося; там був и Йосиф Павлович, котрый из радости и з любовію обняв своего наймолодшого брата, котрый був уже „готовый чоловѣк“

VI.

Павлович священником.

У милôм домѣ брата Йосифа одпочивав Александер пару тыжднѣв послѣ тяжкоѣ умовоѣ працѣ у тернавскôй семинари.

Через сѣ пару тыжднѣв Павлович обертався все межи народом; заглядав до глубины его душѣ. И Павлович полюбив сей пôдкарп.-руський нарôд, од котрого духа и языка дотепер так далеко тримала є о доля и казала ему „блукати в чужих краях“.

По сему приготавлиєся на свое душпаствырске званє; и в 1848-ôм роцѣ дався высвятити.

Павлович не жениться. Длячого рѣшився на се, о тôм бôльше разôв так высказався, що тогды часто нездужав и зато

рѣшився не женитися. Крімъ того — по єго словам — дуже подѣлало на него нещастне родинне житя одного близького свояка. Но судячи по душевным нахилам сего идеального чоловіка, котрый уважав за свою задачу оддане душпастирство и щирю народно-культурну працю, то видно, що безусловно и єго особистый душевный идеализм вплинув на єго рѣшенє.

Павловича высвячено за священника 1848 р.; тогды, коли угнетенѣ народы зачинали розбивати столѣтнѣ кайданы, коли народна свѣдомѣсть свѣжим весняным вѣтром подула в долины наших Карпат.

Коли высвятив єго єпископ Гаганець, то звѣдався єго: „Чи и ты такой будеш, як твоѣй отець?“ — Значить, єго отець, священник у старшѣм вѣцѣ не мѣг ходити и длятого не мѣг ити и до церкви. Але вѣрники єго так любили, що в свята и в недѣлю все на плечах носили єго до церкви на службу Божу.

„Як бы нѣт?!“ — обѣцяв нововысвяченый о. Александер и перед Богом: щиро-оддано любити сей народ, котрый єго отця так любив.

VII.

Павлович вихователем у графинѣ Сірмай.

Послѣ рукоположеня Александра графиня Сірмай, у котроѣ уже у Ягрѣ як юрист був вихователем єѣ дѣтей, тепер звернулася до єпископа Гаганця, абы дозволив молодому отцеву Павловичеву, щобы знов був вихователем у єѣ домѣ в Куримѣ (бывша Шаришска жупа). Пряшевский єпископ на се згодився и 29-рѣчний Павлович через 1^{1/2} рока був у Куримѣ вихователем

Свѣдком був Павлович и приходу російского вѣйска через Куриму на Угорщину и з гордостею дивився он на Славян-Росіян, з котрыми он так добре знав порозумѣтися.

Славянську свѣдомѣсть укрѣпляло у Павловича, коли за перебуваня через 2—3 дни у брата в Комлошѣ, видѣв, як через карпатскѣ провалы проходили кѣниѣ полки або на чисто бѣлых або на червенох кѣнях.

Графиня дуже боялася Росіян. Поручила на даякий час Павловичеву управляти єѣ маєтком.

VIII.

Павлович у Пряшевѣ єпископ. архиварем.

1849-го року Павлович из Куримы переселився до Пряшева, де 2 роки був архиварем єписк. канцеларіѣ.

Перебиваня Павловича у народнѣм, культурнѣм, церковнѣм центрѣ захѣдного Пѣдкарпатя дуже хосенно вплинуло на нашого поета. Он у єписк. канцеларіи познакомився з тодѣшными народными працюниками; он обсервував интеллигенцію свого народа.

Тут, у Пряшевѣ, Павлович уже бѣльше працює пером и тут пише он тоты прекраснѣ, живѣ стишки, котрѣ появилися у тодѣшнѣм „Вѣстнику для австр. и угорских Русинѣв“ в Вѣдни.

IX.

Павлович бѣловежским приходником.

Тогда, у 1851. р., выбрано Павловича за приходника до Бѣловежѣ, де пѣзднѣйше и великий наш Духнович також був приходником. — У Бѣловежи 13 рокѣв був Павлович; дѣйствовав як правдивый душпастырь, громадянин. У Бѣловежи написав много своих патріотичных и народных вершѣв. Описує жите-быте нашего Русина. В tych творах нашего поета в цѣлѣй повнотѣ представляєся нам народовецъ Павлович.

В мизерных обставинах было тогда село Бѣловежа. Анѣ школы, анѣ учителя; нарѣд бѣзграмотный. Павлович сам, з идеализму взявся за дѣло: он сам учив дѣтей на фарѣ. Туды скликав он дѣтей и щоденно учив их азбуки, писаня, читаня и катихизма, дальше рахункѣв и рисованя.

Коли mezi дѣтьми збачив способного хлопця, окремо занимався з ним и старався, щобы такой талановитый хлопецъ добився и высшего образования.

Раз прийдуть до него хлопцѣ и говорятъ: „Василько зробив плужок из дерева“. Павлович попозерає сесь плужок, котрый. 2 крейцаровым ножичком так зручно зладив хлопецъ. Павлович дальше слѣдив за способностями хлопця и видячи у него способности до рисованя, хотѣв Василька выучити за майстратесаря у Бардѣйовѣ, але хлопецъ одрѣкся того, бо „хто буде мамку ховати?“ — И так сей зручный Василько пѣзднѣйше тѣлько пищалки и кошки робив, як то обычай в Бѣловежи и

тепер. Зо своїми výroбами обходив околицю и далекъ краѣ. Быв и в Росіи. Який вдячний був сей „Василько“ и пѣднѣйше до свого отця духовного, свѣдчить и то, що раз дѣстав Павлович из Росіѣ в имени сего бывшего „ученика Василька“ од одного незнакомаго пана двѣ святѣ иконы и одну великоруску книгу з примѣткою: „Сію книгу съ почтеніем засилаю тому священнику, котораго родъ свой такъ любить“.

Се маленькѣсть, но красно характеризует она любовь народа до своего душпастыря, поэта Павловича.

Х.

Павлович у Свиднику.

Его праця и приватне житя.

В р. 1864. Павлович из Бѣловежѣ переселився до Выш. Свидника, де був аж до смерти, — через 36 рокѣв. За сей довгий час працював дуже успѣшно и плодovито, як благородный, жертволюбивый душпастыр своего села, як щирый друг маковицких Русинѣв.

Тут в Свиднику розвилася в цѣлой повнотѣ, особа Павловича. Характеризует его выкованя священничих повинностей, стараннѣсть его душпастырского званя. Павлович все точно катехизовав у школѣ, не опустив ни одноѣ години. Он сам точный був у своих повинностях. При сих своих повинностях майже весь своѣй свободный час жертвовав поученю народа и — то была для него правдива радѣсть — отдався своим поетичным думкам и зложив их на папѣр. И то все робив Павлович из пристрастноѣ любви до своего народа и до своѣѣ правдѣдноѣ греко-каѣолицкоѣ вѣры. Еще и коли був старый и тогда так писав:

„Ступай по стремнинамъ Бескиловъ,
Совершай назначеный путь.
И вѣрѣ, языку праѣдковъ
Непоколебимъ, вѣренъ будь!“

(„Воѣ я состарѣлся“).

За сию працювитѣсть и идеализм дуже любили вѣрники Павловича. Але не лиш Свидничане, но и цѣла Маковиця з почестек дивилася на бѣловолосого старенького Павловича. Но честовала Павловича и интеллигенція. Не тѣлько свидницкий

патрон-землевласник Келерн любив єго, но честовали и любили єго и высокѣ свѣтскѣ власти саме так, як и цѣла наша руська интеллигенція и єго товаришѣ-священики.

И тепер живутъ ще люде, котрых всѣх милѣ спомини вяжуться из „свидницким Павловичем“.

Без сумнѣву, що короною особы Павловича была и єсть и тепер єго богата поезія, котрою он також народным цѣлям служив. У Свиднику писав наибольшу часть своих стихѣв.

Славна, повна народолюбства поезія Павловича єсть то, що вымагає почестованя у пѣдкарпатских Русинѣв и днесь по 25 роках єго смерти.

*

В старшѣм вѣцѣ, 1871. року, огонь спустошив цѣлый маєток Павловича. Се дуже прибило єго, но он потѣшався:

„Не буду груститися пропавшимъ
Тлѣннымъ моимъ имуществомъ“.

(„Воздыханіє“).

Муза и в сей великѣй стратѣ лиш до дальшоѣ поетичноѣ, письменничкоѣ дѣяльности побужає єго. Павлович и на дальше, все-все, аж до смерти писав и працював для свого народа.

*

Нераз сталося у Свиднику, що дакотрого доброго газду осудили на лицитацію, бо через пѣянство утратив своѣй маєток. Павлович в таких случаях все на помѣч був своему народови таким способом, що на час куповав он сам землѣ, чтобы неовдвог безкорыстно вернути своим вѣрным Русинам. Дуже-дуже многих освободив так Павлович из кѣгтей лихварѣв-жидѣв.

Павлович без процента позычав народови грошѣ тѣлько длятого, чтобы люде не ишли позычати на высокѣ проценты од жидѣ. Але нераз и бѣдному жидови помѣг и зато честовав так Павловича кождый на околицѣ; кождый, не лиш Русин, но и Словак, Мадяр и жид любив єго.

Выш.-Свидницку гр. кат. руську школу народ лиш за значною позычкою Павловича мѣг выбудовати. Но звороту сеѣ позычки сам Павлович в своѣм житю нѣколи не просив од народа.

*

Не тѣлько вѣрники Павловича, но и простый народ цѣлоѣ Маковицѣ горячо честовав и любив єго. Он був „адвокатом“, — радником маковицких Русинѣв. У великѣй бѣдѣ-хлопотѣ из найдальших сел приходив нарѣд до Павловича, чтобы про-

сити его пораду, его думку. А он для каждого бѣдняка мав миле-щире слово, з котрого не видно было анѣ тѣни корыстолюбства. Он з любви до своего народа, з идеализму, дав пораду каждому. Горячо любляче сердце мав он:

„Да! всякій человекъ мнѣ пріятель,
Я люблю и грѣшныхъ людей,
Змагаюсь омыти ихъ пятень
Жидкостію души моеї“.

(„Воздыханіе“).

Он був правдивый „народовець“, котрый може прикладом быти и днесь нашим народовцям-священникам!

Цѣле свое житя у Свиднику даровав Павлович для духового и матеріального блага своего народа. Он учив дѣтей у школѣ, дорослых у церквѣ на доброе и красное.

Еще и як 81 рѣчный старик все тримав години катехизма у школѣ.

*

У Свиднику провѣв Павлович 36 рокѣв свободный час на читаню и писаню. Коли добра думка прийшла ему на ум, дораз сѣв, записав и ишов до кухнѣ прочитати челяди, де з их поведеня и настрою видѣв, ци удачный, правдиво-народный, для простого народа написанный его верш.

Впрочѣм Павлович був чоловік дуже непосредный, домашного роздумованя. Он любив студійовати простонароднѣ типы, простонародну душу. Но любив Павлович не лиш людей; любив он и квѣточки. Краснѣ квѣточки были все на священницкѣй фарѣ. Сам о. Павлович поливав их и дбав о них аж до смерти.

Дуже любив Павлович из люлькою сидѣти на ганку и кормити свѣй любый скот. Все мав одного любимця когута.

*

Павлович читав наибѣльше малорускѣ и великорусскѣ книги, но любив читати и польскѣ и нѣмецкѣ.

По бѣльшой части вечером, перед спанем, писав; але не раз писав и в ночи. Если ему колинебудь в ночи прийшла на ум добра идея, свѣтив свѣчку и писав стишки.

Писав Павлович из бѣльшой части по пѣкарпаторускѣ, но остало по нѣм и дуже много стихѣв, написанных сотацким (схѣдно-словацким) нарѣчем, латинкою. То з бѣльшой части „Dumki“ и Карпатскѣ пѣснѣ.

Но писав даколи Павлович и на польскѣмъ языкѣ стихи. Межи прочими написав ђн одну балладу по польски о „постарѣломъ кони“. Сей стихъ появився тогды в одной польскѣй белетристичнѣй новинцѣ. Ся баллада такъ любила ся одному благородному польскому писателеви, що нарочно прийшов до Свидника из Польщѣ, щобы познакомитися з пѣдкарп.-руськимъ поетомъ.

Но дожив Павлович и одного высшого одзначеня: Російскій цар, читаючи его стихи, пѣслав ему на памятку одну прекрасну пипку, котра бѣльше як $\frac{1}{2}$ килограма важила. Ся пипка ще и тепер заховалася и є власностею одноѣ прашевскоѣ панскоѣ родини.

Такого рода одзначеня добрѣ подѣлали на Павловича. Онъ як нежонатый не мав теплого фамилійного круга; его потѣшала лира, муза, поезія:

„Хотя супруги и дѣтей нѣтъ,
Не печались стихотворецъ!
На твоємъ гробѣ неувянетъ
Безсмертныхъ твоихъ чувствъ вѣнецъ“.
(„Воздыханіе“).

*

Павлович дуже любив даколи и заспѣвати собѣ. Красный, чистый мав голос. Его любимѣ пѣснѣ были слѣдуючѣ:

„Щаслив, кто найдет в земноѣ удоли вѣрного друга,
Што ему спрячет, тѣшит го в щастю, тѣшит в недоля,
Словом и дѣлом ему помагает.
Ой пріятелю, о вѣрный друже,
Як же то мило, як мило дуже!“

Або слѣдуюча:

„Тяжко болить, кедь укусить в лѣсу гадинонька,
Еще тяжше, кедь счарує мила дѣвчинонька.
Кедь гадина укусить, найдеш зѣля-лѣки,
Кедь дѣвчина счарує, пропал есь на вѣки,
Кедь дѣвчина счарує, пропал есь на вѣки“.

Або:

„Сидить мила в загородѣ,
Карты выкладає,
Летить орел сивушенькій,
Она ся пытає:
„Ой орле, орле,

Высоко лѣтаєшь,
Ци ты дагде миленького
Мого не видаєшь ?“

„Твой миленькій
При могилѣ
С Богом спочиває,
Орел єму сивушенькій
Голову искає.“ —
„Ой земле, земле, вшитких людей мати,
Розпадися подо мною,
Дайся мнѣ сховати.“

*

Даколи нащивив Павлович и мѣстну интеллигенцію, з котрою жив в приязни и котра дуже любила его, бо товариство Павловича для неѣ лиш было приемне. Он дуже мило-приємно умѣв бесѣдовати. Плавно говорив кромѣ свого подкарп.-руського языка и по захѣдно- и схѣдно словацкому, дальше говорив по нѣмецки, мадярски, польски и латиньски. — По великорусски нѣколи не говорив.

В приватнѣм своѣм житю Александер Павлович був дуже скромный. Просто, солидно живився и тверезо, чисто жив.

Одинокою его слабостею была „люлька“. Павлович з люлькою будився; з люлькою ишов до постелѣ. И через день мало коли одложив свою улюблену люльку.

*

Павлович в своѣм житю тяжко хворый не був нѣколи. Его тверезе житя и сильна натура охоронили его од всяких недуг. Тѣлько в послѣдних роках свого житя, перед смертію був хворливый.

В 70-тых роках минушого вѣка у Выш. Свиднику пановала велика холера. Он не щадив себе, але з душею, тѣлом и грѣшми помагав своим хворым вѣрникам.

Але Павлович був „лѣкарем“ и „адвокатом“ не лиш Свидникови, але и цѣлѣй Маковици. Народ из довѣрем ходив до него в бѣдѣ за порадою. Павлович студійовав лѣкарску науку и розумѣвся на нѣй. И се знанє жертвовав для блага народа.

*

З интеллигенціѣ особливо любив Павлович свого власного брата Йосифа, на котрого дивився як на свого „вихователя“.

Многораз нащивив его у Комлоши, а на одпустъ на „Успеніе“ нѣколи не хибив mezi братовыми гостями.

Свого добродушнаго брата Йосифа наш поет и по смерти любив и на его грѣб на Успеніе все носив вѣнецъ. Он знав быти вдячнымъ.

В добрѣй приязни був и з пряшевским каноником Вартоломеем Шаш, котрый мав за жену одну доньку его брата Йосифа. О сѣй своѣй братаницѣ Павлинѣ Павловичевѣй згадуе в стиху „Надгробное“.

Многораз споминав Павлович и тисанского о. Антонія Невицкаго, до котораго 1881. р. и написав „Поздравленіе съ Новымъ Годомъ“. Сего Невицкаго дѣвочку взяв собѣ посему за жену наш ревный руський патриот Стефан Петрик, адвокат, з котрым наш поет був також в добрѣй приязни. И до него Павлович мае милый стишок з нагоды нового року.

Особенно добрыми приятелями Павловича были ще о. Артим из Вапеника и о. Ладомирский из Ладомира.

*

Адольф Добрянский, тогдѣшній вѣдомый пѣкарп.-руський политик и громадянин бѣльшераз нащивив Павловича у Свиднику. Они двое дуже симпатизовали, бо обидва были простодушнѣ, идеальнѣ люде.

В приязни був Павлович и з другим великим чоловѣком тых часѣв, з поетом и народным будителем Александром Духновичем.

Заложеня пряшевского „Общества св. Іоанна Крестителя“ было найголовнѣйшою заслугою Добрянского, Духновича и Александра Павловича.

З яким почестованиям относился Павлович до Духновича, указуе его стих „Батькови Духновичу“. В нѣм признае заслуги Духновича :

„Ты будиль насъ всѣхъ ко жизни,
Вскормиль людей для отчизны;
Первый былъ ты между нами,
Славный умомъ и дѣлами“.

Пророчими словами вѣщуе безсмертнѣсть Духновичеви за его працю :

„Вождь народа знаменитый,
Не одинъ вѣкъ будешь жити,

Земли нашей мужъ великій,
Проживешь въ сердцахъ ей въ вѣки“.

Сей стих першій разъ появился у „Руськôй читанцѣ“ А. Тороньского у Львовѣ р. 1868.

В добромъ отношеніи былъ Павловичъ и зъ жупанскими урядниками, но особенно Палюдяй, предсѣдатель пряшовскоѣ седріѣ, былъ его одданнымъ почитателемъ.

*

Павловичъ былъ членомъ жупного выбора Шаришскоѣ жупы. На однôмъ засѣданіи выдѣлу одинъ молодой чоловѣкъ „панславомъ“ назвавъ Павловича, но Павловичъ дôставъ одповѣдну сатисфакцію од самого жупана за образу. Знавъ кождый, що Павловичъ Русиномъ признаеся и трудиться и якъ членъ жупного выбора для своего народа, зато интриговавъ противъ него сей молодой урядникъ.

Павловичъ былъ и намѣстникомъ свидницкого деканата, но епископъ Товтъ задля его „панславизму“ увôльнивъ его од сего достоинства.

Александръ Павловичъ за свои душпастырскѣ заслуги назначеный былъ пряшевскимъ епархіальнымъ правительствомъ за консисторіального совѣтника.

*

Павловичъ до своеѣ смерти носивъ довге волося, котре додало его фізіономіи ще бôльше достойности. Довге волося навѣтъ на напомненя пряшевского епископа, д-ра Николая Товта, не хотѣвъ обтяти кажучи: „Не суть и не будутъ довгѣ волосы перешкодою для мого грекокатолицизма. Прошу, нарôдъ мôй уже такъ привыкъ зъ моимъ довгимъ волосемъ! Не робте теперь зъ мене смѣх!“ И епископъ згодився, чтобы о. Александръ Павловичъ зъ довгимъ волосемъ дѣйствовавъ на благо своего народа и грекокатолицистской церкви.

Черезъ свое довге житя Павловичъ часто видѣвъ смерть своихъ приятелѣвъ, и якъ 79—80 рôчный старикъ побачивъ, що вже тôлько онъ самъ жиє зъ „давныхъ людей“.

*

Павловичъ любивъ житя в усьхъ обставинахъ, але и все приготавливаясь на смерть:

„Людске житя слабе, крехке,
Летить такъ, якъ пѣрце легке,
Якъ блисканя нагло мигне,
Такъ якъ молга счезнетъ, гине.“

(„Надгробное“).

Або :

„Мы земны черваки — лемъ поцель и блато,
 Душа дорогша въ насъ, якъ сребро и злато.“
 („О смерти“).

Павлович через цѣле свое житя для народа працював и все глядѣв на благо своего народа и тогды, коли грав на лирѣ своеѣ поезіѣ.

Благородну душу нашего поэта споминають и тѣ фундаціѣ, котрѣ покѣйный заложив в цѣли удѣльованя стипендіѣ для бѣдных греко-кат. руських ученикѣвъ при пряшевскѣй реалгимназіи.

ХІ.

Смерть Павловича.

Як 81 рѣчний старик свидницький поет занедужав в септембрѣ 1900. р. Он зѣвсѣм ослаб. Приближалася его смерть. На смертельнѣй постели 16-го децембра зрисовав на папѣр трумну (деревище) з крестом на знак, що уже чує близѣсть смерти.

16-го децембра ще написав „Прощаніе“, в котрѣм так говорить :

„Ближится кончина житя,
 Я одойду съ того свѣта.
 Духъ отлетить до вѣчности,
 Гробъ закрые тѣло-кости.

— — — — —
 Будь здоровъ, милый роде руськѣй!
 Отнесѣ тѣло во гробъ узкѣй,
 Дабы тамъ сномъ смерти спало,
 Суднаго дня ожидало“.

Тот самый день Павлович самѣ на катехизацію мав ити и зато в „Прощанію“ и д своим любым „дѣточкам“ обертаѣся :

„Вы дѣточки любы, милы,
 Отпровадьте до могилы,
 Помолитесь за вашого
 Небощика духовного“.

Неодовго, 25-го децембра 1900. р. вечером упокоився поет-народовець Александр Павлович.

Поховали популярного працюючого поета при великом співчутю (сочувствію) підкарп.-руського народа, котрий о Павловичови знав и в найдальших кутах Марамороша.

Грѣб его означений на схѣднѣй части вышно-свидницькоѣ церкви — прямо престола — ще й тепер пирамидальным надгробным памятником из гарного мрамора. В самѣй же церквѣ при правѣм крилосѣ в стѣнѣ, также на чорнѣй мармуровѣй плитѣ, есть увѣковѣчнена его память надписею золотыми церковными буквами:

Памяти
о. АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА,
сына Маковицы, народнаго стихотворца,
душпастыра свидницкого
† 1900.

XII.

Поезіѣ Павловича в печати.

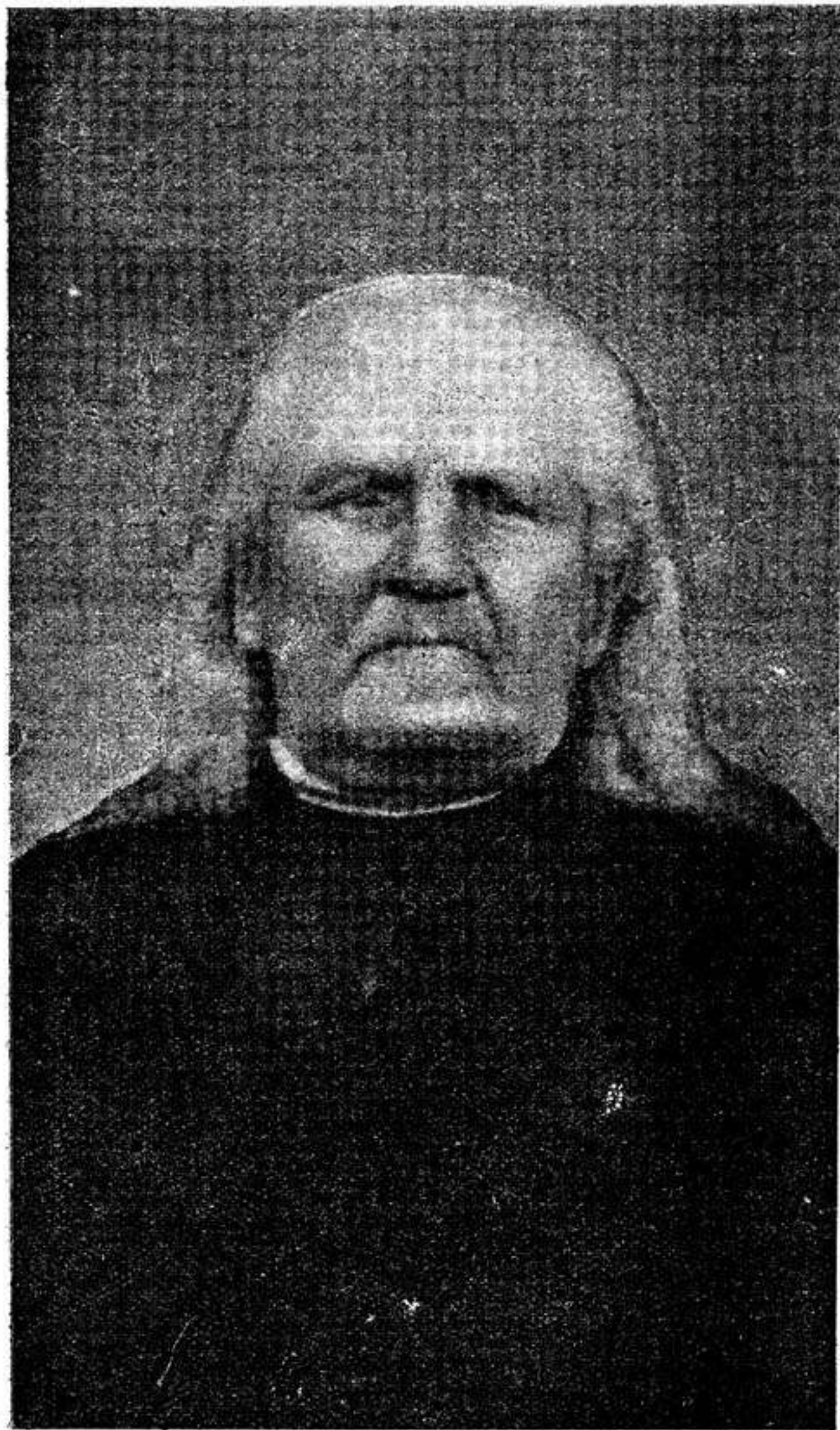
Павлович уже в Пряшовѣ писав до вѣденського „Вѣстника“, а пѣзднѣйше з Бѣловежѣ и зо Свидника до „Слова“, до „Галицкоѣ Зорѣ“, а як уже на Пѣдкарпатю появилися руськѣ газеты, тогды дуже ревно писав як сполупрацювальник до ужгородских мѣсяцословѣв, до „Листка“, „Наука“, „Недѣль“ и т. д.

Много стихотвореній Павловича появилось и у збѣрнику „Соловій“, выданѣм из кѣнцем XIX. столѣтя Врабелем.

1920-го р. Иван Поливка, шк. инспектор в Ужгородѣ, выдал „Вѣнецъ стихотвореній Павловича“, у котрѣм то збѣрнику находиме 126 стихѣв А. Павловича. — Иван Поливка тым зробив дуже хосенне дѣло. Жаль, що дуже значна часть стихѣв Александра Павловича ще дотепер не есть выпечатана, а рукописи суть хованѣ у даяких наших интеллигентѣв.

*

Гнатюк, вѣдомый громадянський дѣяч галицкій, ходячи на Пѣдкарпатю, не мѣг Павловича склонити, чтобы ѣн вступив до Наукового Товариства им. Шевченка. Консерватизм Павловича ще то не дозволив. В тѣм самѣм часѣ Павлович был вже членом „Общества им. Качковского“.

A. W. Webster

XIII.

Язык творѳв Павловича.

Чистый, народный. Павлович не стремѳв до того, чтобы „чим лѳпше зближити наш язык д великорусскому“ и не форсовав великорусскѳ слова, ѳн писав по домашньому — так, як его простый нарѳд говорив. Маѳ Павлович много вершѳв написаных спеціально говором маковицких Русинѳв. Писав — як згадано — и даскѳлько стихѳв языком схѳдных Словакѳв; были то з бѳльшоѳ части случайнѳ, кортешскѳ пѳснѳ.

Правопис руських стихѳв Павловича на 60 0/0-ѳв „общерусска“ раховався ѳн из крайно консервативным думаням своего часу.

Павлович уже и в своѳм часѳ ддятого бѳв любимым, популярным руським поетом, бо писав „по нашому“, просто-народно.

XIV.

Поезія Александра Павловича.

Що Павловича зробило бессмертным за що ѳн записанный до исторіѳ пѳдкарпатскоруськоѳ литературы золотыми буквами и за що теперь так щиро празднуѳ наш нарѳд его 25-ту рѳчницю смерти, то ѳ его поезія.

Дѳйстно, Павлович поет и то великий, правдиво-народный поет. ѳн писав од душѳ, щиро, до простого народу, по народному. И при тѳм его поезія жива, и ддятого вѳивалася в думки пѳдкарпатских Русинѳв. Ддятого ѳн великий. Бѳльший ѳн, як всѳ тѳ, котрѳ в минувшѳм столѳтѳ не по народному писали, але котрѳ в чужу языкову форму старалися вложити свои думки, котрѳ по правдѳ „подражали общерусскому языку“

Павловича, его просто-народный напрям, зовсѳм оправдують наши часы, коли то здоровый, народный дух так успѳшно пѳдносить наше письменство (литературу) и культуру на высшу уровень.

На поезію Павловича особливый вплив мала украиньска, великорусска, словацка, польска и мадярска поезія.

Прозою Павлович нѳколи не писав. ѳн выключно оддався поезіи.

Предметы своѳѳ поезіѳ бере Павлович из найрѳзnorodнѳйших кругѳв. Нисше перейдеме найголовиѳйшѳ темы его творчости.

1. Бог, вѣра.

Улюбленим предметом стихов Павловича є: Бог и християнско-побожный свѣтогляд. Видно в сих стихах, що они не-фальшиво и вѣрно отдають побожно-християнський и католицкий свѣтогляд самого поета.

Звертаєся до Бога, в котрого так крѣпко вѣрить:

„Вѣра согрѣть вь сердцу кровь,
Проженеть призракъ земныхъ сновъ,
И вѣра поведеть меня:
Гдѣ вѣчный покой найду я“.

(„Воздыханіе“).

Або:

„Чувствую и вь душѣ моей
Сласть высшаго вдохновеня,
Да лишаюсь всѣхъ печалей —
Вѣра несетъ мнѣ спасеня!“

(„Воздыханіе“).

Павлович и своій нарѣд взиває до любви до Бога:

„Ждайте, а крѣпко вѣруйте,
Что Отець на небѣ
Помощь послеть своимъ дѣтямъ
Вь наибольшей потребѣ“.

(„Новый годъ“).

2. Церков.

Павлович кромѣ того, що є щирым Славянином-Русином, и вѣрным сыном кат. церкви. Он свѣдомый греко-католик. О церквѣ он так пише:

„Церковь Христова на скалѣ
Збудована стоитъ,
А каждый ей непріятель
Цѣлый не обстоитъ.
Кто противъ ней языкъ, перо,
Або свой мечъ тягать,
За несчастьемъ своей души
Самохотно сягать.

— — — — —
Церковь ничто не выверне.
Бо ей Христось бранить“.

(„Непоколебимость Церкви“).

Або :

„Будьме вѣрны все надеждѣ,
Такъ якъ наши дѣды,
А надежда розвеселить
Смутныи Бескиды“.

(„Новый годъ“).

3. Душа.

Павлович, як идеалист кладе душу выше як тѣло :

„Мы земны черваки — лемъ попелъ и блато,
Душа дорогша в насъ, якъ сребро и злато.

— — — — —
Мизерный чловѣче, въ пепелъ ся обратишь,
Штожь роскошь поможе, кедь душу утратишь?“

(„О смерти“).

4. Идеализм.

Павлович взивае нас до идеализму, до гляданя правды :

„Питаясь сластію надежды
Стремись, пари за истиной,
Броси съ себя плоти одежды,
Пари къ Богу, духъ безсмертный.“

(„Истина“)

Або :

„Вѣрую, что истина побѣдитъ
Неистинныхъ земныхъ боговъ,
Да Вѣчная Правда поглотитъ
Богогульность филозофовъ.“

(„Истина“).

5. Павлович — народовецъ.

Цѣлу поезію Павловича проникае горяча любов до народа. Он є правдывым, щирым народовцем.

Кождый, и интеллигент, повинен любити тот нарѣд, из котрого походить :

„Кто свой народъ опускаетъ,
Грѣшитъ противъ природы,

Не найдетъ, чего искаеть,
Останеть безъ свободы.“

(„Пѣснь карпаторусская“).

Доля пѣдкарпатскоѣ руськоѣ интеллигенціѣ вповнѣ звязана з долею простого народа :

„Кедь народъ упадуть, мы съ нимъ упадаме,
Дарьмо, — кремъ народа мы щастя глядаме“.

(„Думка“).

Павловича самого якась чудна сила притягае до народа :

„Но пока жизнь станеть,
Духъ мой не перестанеть
Русскій народъ любити,
Ему благодарити.“

(„Пѣснь старца“).

Або :

„Съ народомъ подѣлю смутки и радости,
Пока сложать во гробъ мои грѣшны кости.“

(„Думка“)

В исторіи, культурѣ, литературѣ простый народъ мае быти тым фактором, на котрѣм все-все основуеся :

„Духъ народа чудеса творить
Силою вѣры и языка.

Народъ властелинъ великъ,
Большій отъ царей и владыкъ.
Его завѣтъ : вѣра, языкъ.
Тѣми онъ себѣ управляетъ,
Господствуетъ, повеливаетъ
И державы основаеть“.

(„Нашъ народъ“).

Павлович нѣколи не ганьбится слова „Русин“ :

„Отъ вѣкъ вѣковъ я Русинъ!“

(„Пѣснь карпаторусская“).

6. Любов отчины у Павловича.

Изъ всѣхъ вершѣв Павловича найкрасшѣ сѣуть тѣ, в котрыхъ або описуе свою любов до рѣдноѣ землѣ, або де другихъ взивае до патриотизму, до любви рѣдноѣ, прадѣдноѣ землѣ. ОРОДѢ.

Най говорятъ за себе самѣ слова Павловича

„Господи! благословляй
Нашъ Карпатскій милый край,
Его горы, равнины,
Всѣ племена, родины.
Боже! дай, бы якъ рай
Счастливы былъ Карпатскій край“.

(„Отечественна любовь подк. русиновъ“)

Або:

„Свята, Подкарпатска земля!
Кладбище нашихъ прадедовъ;
Любить тебе наше племя,
Любить сердцемъ вѣрныхъ сыновъ“.

(„Думки“.)

Або:

„Вы люде-братя, русское племя,
Наше честное русское имя
Любовно обимайте,
Словомъ, дѣломъ прославляйте!“

(„Замерзшая сирота“).

Або:

„Люблю васъ, Бескиды милы,
Источники живыхъ водъ;
Люблю прадедны могилы,
Люблю тебе, мой народъ“.

(„Вотъ я сострѣлся“).

Правдивый патриот-народовецъ быв Павлович; чув то, що:

„Духъ народности
Со мною“.

(Думки“).

Сей народный дух в 1848-ых роках зачинае лучити под Карпатами народнѣ силы:

„Братя себе познавають,
Что до теперь ся не знали,
Руки собѣ подавають“.

(„Воспоминаніе“)

Працѣ чекае дуже много на народномъ культурномъ поли:

„Пуста, перелогомъ
Лежить наша нива“.

(„Други народы — и мы“)

Прото Павлович взиває до народно́в праць весь наш народ :

„Съ Богомъ до народной вступайте святынѣ,
 Дастъ Богъ лѣпше будетъ завтра, якъ есть нынѣ.
 Поминеть смутокъ, а настанеть радость
 И ваша святая исполнится жадость.

(„Къ вождямъ народа“).

Дух часу дѣйстно покликав культурныхъ работниковъ до народно́в праць. Пряшѣв являеся центромъ культурного, литературного и политичного житя. „В Пряшевѣ тогды дѣйстно было житя“ — говорить прагматична исторія наша.

„Кажуть, что Русь наша духа не имѣеть,
 Русскій Духъ видимый — тамъ въ Пряшевѣ жіеть“.
 („Добра Русинов“)

Але и цѣле Пôдкарпате обгортае народный дух :

„Ужъ на нашихъ родныхъ хатахъ зацвѣли цвѣтоньки,
 Уже зацвѣло подоля, зацвѣли Бескиды.
 Цвѣтуть въ молодыхъ племенахъ родны чувства святы.
 Ликуй, ликуй, веселися, мила родна мати,
 Мы пооремъ, мы посѣемъ, внуки будутъ жати“.
 („Коломейка“.)

Або :

„Уже идутъ для Русиновъ
 Щастя, славы годы.
 Славте Бога, родъ милуйте,
 Русины молоды!“

(„Новый годъ“).

Або :

„Ой повеселься
 Свободный Русине,
 Ужъ твоихъ враговъ
 Злобна сила гине :
 Новый вѣкъ дастъ
 Каждому народу,
 Спивай и витай,
 Святую Свободу!“

(„Радость о свободѣ“).

А що зацвѣло наше народне жите в 50—60-ыхъ рокахъ XIX-го столѣтя, то Павловичъ приписує благодати Божой :

„Вседержитель хранить насъ,
Онъ услышитъ любви гласъ,
Помилуеъ народъ нашъ“.

(„Пѣснь карпаторусская“).

Або:

„Небесная воля ужъ немогла снести.
Хотѣла Русина съ неволѣ вывести“.

(„Пѣснь“).

7. Павлович до священства.

Александр Павлович видѣвъ добрѣ, межи якими неприхильными бѣдными обставинами жиє пѣкарп. Русин. Не має свѣтскоѣ интеллигенціѣ. Одинокими проводниками народа суть священники. Межи священниками найдеме тогдашних культурных работников, письменников, политиков.

До народноѣ працѣ взирає Павлович тых священников, проводников народа:

„Якъ малыя дѣти, днесь Русины стоятъ,
Безъ вождовъ народныхъ крочатся боятъ.
Просятъ священниковъ, бы ихъ провадили
Ко цѣли, для котрой на свѣтъ ся родили“.

(„Къ вождямъ народа“.)

8. Народна свобода.

Народна свобода — то вѣчный идеал всѣх народов и всѣх вѣков. И Павлович спѣває о народноѣ свободѣ и то в бѣльше вершах. Так на приклад в часѣ знесеня (скасованя) панщины так пише:

„Рабства окоы сокрушены,
Счезла панщина, нашъ ворогъ!
Молитесь вы, дѣти блаженны,
Насъ защищаетъ Господь Богъ!
Радуйся подбескидска земле,
Прадѣдовъ могиле свята;
Лучше нынѣ, якъ было древле,
Счастливы ужъ твои чада“.

(„Думки“).

Або:

„Витай, миленька свободо,
Ты, жизнь дающа ягодо,

З твоей преблагой уроды
 Удѣль про русски народы!
 („Свобода“)

А коли пѳзднѣйше нашу народну свободу знов заступае народне и политичне переслѣдованя и тогды Павлович не утратитъ надѣѣ в народну свободу:

„Возлюбимъ другъ друга братья!
 Обыймемъ народъ несчастный!
 Соидеть съ небесъ правда свѣта,
 Возсіяетъ день прекраснѣй:
 Возсіяетъ день свободы“.
 („Пѣснь народная“)

9. Ренегаты.

Острыми словами взывае Павлович ренегатѳв, зрадникѳв народа до одвѣчальности перед их сумлѣнем:

„Кто васъ припровадилъ во блудъ сего свѣта,
 Гдеж' вамъ тая вѣра, котру вамъ Богъ зявилъ?“

— — — — —
 „А вы ся стыдате народного слова,
 Милша вам есть чужа, якъ отцовска мова.
 О вы вашихъ предковъ потомцы негодны,
 Ни теплы, ни зимны, ани не холодны,
 Вы — что свой род благій нищите, губите,
 А чужину тѳлько витате, любите,
 То не для васъ идетъ радосна ся весна,
 Въ котрой скропитъ Бескидъ нашъ роса небесна.
 Когда про Русиновъ придетъ ярь и жнива,
 На васъ придутъ громы и плюта огнива.
 („Глас Русинов“).

Наша руськѳсть-народнѳсть в небезпецѣ, бо мадяризация все сильнѣйше иде наперед:

„Твое слово родно тутъ людямъ холодно:
 Не хотятъ тя знати,
 Хулятъ та ругаютъ,
 Твой род оскорбляютъ“.
 („Пѣснь Подк. Русина.“)

Або:

„Ни любви, ни згоды не е между нами“.
 („Гласъ Русинов“).

Але Павлович не тратить надѣвъ в народне одродженя и закликае всѣх до дальшоѣ працѣ на фронтѣ против бездѣльности ренегатѣвъ :

„Мы ся крѣпко спойме,
Враговъ ся не бойме. — “
(„Народна пѣсня“).

И 25 рокѣвъ послѣ смерти сего нашего народовця-идеалиста дѣйстно сповнилось то, що ѣн предсказовав. В 24-ѣй годинѣ нашего вынародовленя прийшов свѣтовый переворот, а за ним и народне одродженя пѣдкарп. Русинѣвъ.

10. Павлович и Славянство.

Павлович був идеальный славянофил. Ѣн передовсѣм любив своѣй пѣдкарпатский руський нарѣд, ѣн був свѣдомым Русинѣм, але при тѣм ѣн чув у серцю своѣм спорѣдненя зѣ всѣми Славянами. Найближше стояв до него руський нарѣд з Галичины и полудневоѣ Росіѣ, посему великорусский нарѣд, а дальше всѣ Славяне.

Павлович не був тым романтичным славянофилом, котрый в своѣй влюбленѣсти в могучѣ славянскѣ народы забывае о своѣм властнѣм пѣдкарп. руськѣм народѣ.

Ненавидѣти нам, Русинам, Росію неевободно — думає Павлович — бо там жие 25 миліѣнѣвъ Русинѣвъ и много миліѣнѣвъ Великоруссѣвъ :

„Русь матушку обимати
Долженъ благодарный сынъ“.
(„Пѣснь Карпаторусская“).

Павлович крѣпку надѣю мае в укрѣпленю и одродженю всѣх Славян :

„Перуны поминуть,
Славяне не згинуть“.
(„Народная пѣсня“).

Або :

„Враги свободы Славянъ оскорбляютъ.
О люде, братья! Честны народы,
Соединитесь въ храмъ свободы“.
(„Пѣснь русско-славянская“).

11. Давнина.

Павлович живым оком слѣдитъ за давниною пѣдкарп. руського народа и описуе в стихкахъ минулость, славу исторію своего народа. Особливо улюбленимъ предметомъ его: Маковиця и котрѣй такъ много исторій привязуеся. О руськѣй Маковици говорить Павловичъ все з одушевленемъ:

„Въ Маковицѣ, въ гарномъ краю
Черствы вѣтры подуваютьъ;
Лѣсы, горы, здравы воды
Укрѣпляютъ людски уды“.

(„Старославная пѣснь Маковицы“.)

Павловичъ наслѣдуе маковицку народну пѣсню:

„Коли муровали обѣлу Маковицу,
Гонили на панске убогу вдовицу.
Едну недѣленку сына на свѣтъ дала,
Другу недѣленку мужа поховала“ и пр.

(„Маковица“).

12. Американьска емиграція.

Сумуе Павловичъ надъ сильною емиграціею до Америки, бо то ослабляє наши народнѣ силы. Научае тыхъ Русинѣвъ, котрѣ вѣйшли до Америки, якъ мають ся тамъ справовати; якъ захоронити тамъ вѣру и народнѣсть.

Сталося неразъ, що вѣйшовъ до Америки дакотрый молодой хлопецъ; тамъ забывъ о своихъ родичахъ, котрыхъ лишивъ во „старѣмъ краю“, в Свиднику, и марновавъ в Америцѣ доллары, котрѣ тамъ заробивъ. Павловичъ одкрыто описуе такого хлопця-блудного сына, а стихи тѣ роздае не лишъ у Свиднику, але зашле и самому блудному сынови до Америки.

Такий стихъ на примѣръ: „Думка сына Маковицы тамъ за моремъ въ Америцѣ“. В нѣмъ до покаяннѣя приведе „блудного сына“:

„Эй! ужъ бы ми розумъ мати,
Часъ ужъ ми ся покаяти,
Кедь такъ блудно буду жити,
На псю ганьбу мушу прійти.

— — — — —
Дай ми (Боже) правду познавати,
Твою волю выполняти:
Честно. богобойно жити,
Родителей утѣшити“.

(„Думка сына Маковицы тамъ за моремъ въ Америцѣ“).

13. Добрѣ и недобрѣ звычаѣ Русинѣв. — Гумор Павловича.

Павлович яркими словами влучно описав недобрѣ звычаѣ моды интеллигентѣв, слабости простого народа. У тых описах находиме дуже много народного, простого, здорового гумору. В сих стихах он учить, наводитъ на правдиву дорогу свѣй народ. Его намѣреня нераз и удалося: Сатира и гумор его творѣв зломил злѣ привычки села.

Одного разу описав, як стратила розсѣяна баба на ярмарку чепецъ. Неодовго саме и стався такий случай у селѣ. Приде баба на фару: „Йой, пане превелебный! Яку мнѣ ганьбу наробили!“ — „Та што, де?“ „Бо ня описали; а теперъ дѣти смѣх роблять з мене про тот страченный чепецъ; бо то знаютъ, я стратила чепецъ“.

Павлович оспѣвав поодинокѣ фамилиѣ Свидника и не сталося даяке интересне дѣло, абы то он не обернув на поучене народа в стишках. Добрѣ звычаѣ выхвалив, злѣ осудив.

14. Убожество Русина; пиянство.

О скѣлько радуеся Павлович скасованю крѣпацкого права на Мадярщинѣ, на стѣлько яркими словамѣ роздумуе в „свободном часѣ“ над недбальством и пиянством нашего народа. Всю бѣду — так материяльную, як и моральную — спричиняе пиятика, котра все бѣльше и бѣльше закорѣняеся пѣд Карпатами.

За крѣпацких часѣв:

„Было зачѣ соли купити
И страву чим омастити,
Было вѣ домѣ задость всього
И крайцара готового“.

(„Послушайте, братя“).

Але коли Русин и на дале так буде пити, тогда придет и сумна будучность, убожество, бѣда:

„Отъ насѣ корчмы берутъ гроши
За напитки, за роскоши,
Пустьѣ цѣла краина —
А ктоже тому причина!“

(„Послушайте, братя!“)

Певно, що лиш пиянство є причиною нашего убожества, бо

„Еще вѣ найплоднѣйшихъ люде краяхъ жиють,
Лѣпше, якъ мы ѣдятъ; але меньше пиють.
Мы про пиятику вшитко утрачае,
Себѣ поради ти мы вѣ ничемъ не знае“.

(„Пѣснь дьяка“.)

15. Жид и Русин.

Розширителями напою mezi Русинами суть Жиды-корчмарѣ:

„Жидовѣ палѣнка збогатить,
Выволатъ ихъ и пришатить,
Припровадитъ до богатства,
Христіановѣ до жебрацтва“.

(„Пянство“).

Павловича мерзитъ несовѣстна работа Жидов-лихварѣв :

„Коли ужъ разъ тото панство жидске престане ?
Аж якъ не будешъ паленку пити, ты Иване“.

(„Жидъ никогда не зна покою“).

Павлович просить нарѣд, щобы оставив вже раз пьянство :

„Перестаньте ужъ разъ по корчмахъ ходити,
Зачнѣте терезво, мудро, честно жити!“

(„Пянство“).

Або :

„Нашого несчастья палѣнка причина,
Жидовство богате, убога краина“.

(„Пянство“).

Або :

„Была давно бѣда, но днесъ векша бѣда;
Хлопъ робилъ на пана, днесъ мусить на жида :
Бароне, графове въ каштеляхъ бывали,
Теперь до каштеляхъ жиды ся вопхали“.

(„Была давно бѣда“).

16. Сироты и Павлович.

Павлович в бѣльше стихахъ занимается бѣдною сиротою. Он сам быв сиротою од 4-го року, он сам найлѣпше перебув гѣрку долю сироты. Он бы до серця притулив кожду сироту, он бы помѣг кождѣй сиротѣ, он бы таки повтиряв лице сиротѣ, бо

„Слезы обливають
Сиротински очи“.

(„Сиротка служница“).

Павлович одчувае нѣмый, но голосный зов сироты :

„Придьте повтерати,
Къ сердцу притулити,

Мене засмучену
 Придьте потѣшити.“
 („Служница“).

Або:

„Плачь подомновъ, поле!
 Плачьте лѣсы — горы!
 Бо не мамъ няничка,
 Любезной подпоры“.
 („Пѣнь сироты“).

Так утѣшае тот, хто колись був сиротою, тих, котрым теперъ удѣлила доля сирѣцтво:

„И вы сиротоньки не зуфайте,
 Но на помочь Бога призывайте,
 Поминутся сиротски старости,
 Богъ подасть вамъ по смутках радости.“
 „Сиротка“)

17. Родичѣ.

Павлович дѣтей учить на почитане родичѣв:

„Дѣти! кедь хочете пожегнаны быти,
 Должны вы родичей учтити, любити.
 Вы повинны всегда на то памятати,
 Же по Богу перши суть Отець и Мати,
 Они непрестанно на васъ ся старають,
 Тяженько ховають и приодѣвають“.

(„Родителей машь учтити“).

Родичѣв Павлович наминае на то, щобы добрѣ ховали свои дѣточки:

„Кедь къ доброму за молоду
 Дѣти не нагнете,
 Та на старость вы предъ дѣтми
 Плакати будѣте“.

(„Учь на добре сына, та не буде неина“)

18. Наука.

Павлович жив межи народом, видѣв его неукѣсть, неграмотнѣсть. Он строго критизуе консерватизм Русина, длятого, що он не любить давати сына до школы.

Жаль, що велика часть нашого народа так розмышляе :

„Я неукій человекъ, най сынъ ся не учитъ,
Я ся траплю, мучу; най ся и онъ мучить“.
(„Пѣснь дьяка“).

Попри пятаку найбільше зло у нашом народѣ : неукѣсть.

„Докля не зачнеме
Розумъ розвивати,
Такъ мы непрестанно
Будеме капати“.

(„Други народы и — мы“)

Або :

„Лютераны, жиды якъ ся добрѣ мають ;
Бо свои дѣточки учити давають.
Дѣти за молоду розумъ розвивають,
А мудрѣйше, якъ мы въ свѣтѣ жити знають.
Тамъ где не есть школы, ани учителя,
Дѣти вырастають, якъ ягня и теля“.

(„Пѣснь дьяка“).

Длятого до школы зове Павлович малѣ дѣточки-пчѣлочки :

„Вы дѣточки, якъ пчѣлочки,
Школу нащивляйте ;
Пчѣлы меду — вы мудрости
Во школѣ глядайте“.

(„Учься мое дитя“).

XV.

Павлович як педагог и друг дѣтей.

Александра Павловича можна назвати и щирым, знамени-
тым педагогом. У Бѣловежи через 13 лѣт, у Выш. Свиднику
через 36 лѣт учив он дѣтей не лиш катехизма, але и других
наук, коли учителя не было у селѣ.

Основою его педагогичноѣ працѣ и успѣха была горяча
любов до дѣтей. Он куповав бѣдным школярам книжки, зшитки
(тетради), пера, цѣрузы. До зшиткѣв диктовав Павлович дѣтям
свои власнѣ стихи, котрѣ каждый ученик и учениця списовала.
Дома дѣти научилися стишки и толпами ишли на фару до отця
духовного : хто знае лѣпше стишок. Каждый знав ; бо стишок
все по народному, в народнѣм дусѣ и з любовію був исписанный.

У Свиднику фара была другою школою.

Коли дѣти принесли указати записаны зшитки, Павлович на памятку дѣтятку, зараз написав на окладинку стишок. А дѣтя видѣло любов сего поета, а з любовію и з охотою научилося стишок.

Павлович се правдивый народный педагог, котрый се гасло дае молодежи:

„Славте Бога, родъ милуйте,
Русины молоды!“

(„Новый годъ“)

Теперѣшнє народне одродженє и Павлович.

Познакомилисьмея з народовцем-поетом Александром Павловичом, з его особою, з его цѣнною поезією и з его заслугами. Уже 25 рокѣв, як помер, не мѣг дожити того одродженя, котрого ѓн так бажав, котре ѓн так одчував навперед. Но его думы, его предсказаня сповнилися: Русин дожився народноѣ свободы, зачинає цѣнити грамотнѣсть-науку, котра его выдвигне з вѣковоѣ темноты-невољѣ. Основою розвитку нашоѣ культуры є днесь щирый народный напрям, той напрям, котрого апостолом був в другѣй половинѣ XIX. столѣтя народовець Александер Павлович.

Єсть в его языку и великорусский элемент; ѓн держався на 50% ов великорусскоѣ граматики и правописы. Але коли возьмеме в увагу то, что Павлович жив вѣ периодѣ великоруских симпатій нашоѣ литературы, тогды смѣло можеме сказати, що Александер Павлович в нашѣм пѣдкарп. руськѣм письменствѣ є тым Мойсеем, котрый в минувшѣм, XIX-ѣм вѣцѣ, указав нам народный, домашній напрям, домашній, пѣдк.-русский патриотизм и ориєнтацію. Сей народный напрям закорѣнюєся в душѣ нашего пѣдкарп.-русского народа и є одиноким оправданным напрямом.

Коли мы днесь — в першѣй половинѣ XX. столѣтя — идеме за иншими домашними народовцами, идеалистами-вождями, тогды най стоить перед нами Александер Павлович, як правдивый наш пѣдк. руський народный поет, народный будитель, и щирый патриот.

Най одушевляє его политична-народна душа наш вѣк! Розширяйме у нашом народѣ культ Александра Павловича, учѣмся од него, идѣм за ним!

Почитайме правдивого народовця-поета, Александра Павловича, и в день 25-оѣ рѣчницѣ его смерти обѣймѣм его достойными, идеальными, народными и патріотичными чувствами. Най в той день заспѣває ему цѣле Пѣдкарпате: „Блаженный покой, вѣчная память“.

ОГЛАВ:

	стор.
Вступ: В 25-ту рѳчницю смерти А. Павловича	5
I. Дѳточий вѳк Павловича до скѳнченя народноѳ шлолы	7
II. Павлович гимназистом у Бардїйовѳ, Мишковци и Ягрѳ	8
III. Павлович юристом в Ягрѳ	10
IV. Павлович богословом в Тернавѳ	10
V. Павловича огортае любов до народа и до рѳдного краю	11
VI. Павлович священником	13
VII. Павлович вихователем у графинѳ Сїрмай	14
VIII. Павлович у Пряшевѳ еписк. архиварем	15
IX. Павлович бѳловежским приходником	15
X. Павлович у Свиднику. Ёго праця и приватне житя	16
XI. Смерть Павловича	23
XII. Поезїѳ Павловича в печати	24
XIII. Язык творѳв Павловича	26
XIV. Поезїя Александра Павловича	26
1. Бог, вѳра	27
2. Церков	27
3. Душа	28
4. Идеализм	28
5. Павлович — народовець	28
6. Любовь отчины у Павловича	29
7. Павлович до священства	32
8. Народна свобода	32
9. Ренегаты	33
10. Павлович и священство	34
11. Давнина	35
12. Американьска емиграция	35
13. Добрѳ и недобрѳ звычай Русина. Гумор Павловича	36
14. Убожество Русина; пїянство	36
15. Жид и Русин	37
16. Сироты и Павлович	37
17. Родичѳ	38
18. Наука	38
XV. Павлович як педагог и друг дѳтей	39
XVI. Теперѳшне народне одродженє и Павлович	40

